

КОГДА-ТО его называли просто «Ленькой из Марьиной роши». Он удивлял сверстников жадной раз-

носторонностью в спорте: с детства владел сложными акробатическими трюками, ловко ходил по свободной проволоке, жонглировал, в девятнадцать лет стал мастером спорта по боксу.

Соседи сокрушались: «Ничего путевого от младшего Енгибарова не ждите! Очень уж разбрасывается!».

И мало кто догадывался, что подвижной, худощавый, крепко сбитый мальчишка идет самым верным путем, потому что дороги в искусство не бывают заранее определенными — они всегда свои, неповторимые и оттого нелегкие...

На приемных экзаменах в цирковом училище он читал стихи Маяковского. В комиссии с трудом слезли улыбки. Потом его попросили:

— Сыграйте этюд.

— А что такое этюд? — спросил Ленька.

Преподаватели переглянулись: такой вопрос не часто услышишь на приемных экзаменах. Ему объяснили. И он сыграл этюд о боксере. Леньку приняли...

С этого дня Леонид Енгибаров стал самым непонятным студентом на отделении клоунады и музыкальной эксцентрики. «Ленька из Марьиной роши» по привычке не укладывался ни в какие понятия о кано-нах и рамках жанров.

Леонид Енгибаров. Сцена из номера «Продавец стекла».
Рис. А. ГАМБУРГА.

ТАЙНА СМЕХА

Эта черта Енгибарова помогла ему найти своего режиссера-педагога. Им оказался начинающий режиссер, в ту пору еще студент театрального института Юрий Белов.

Руководители циркового училища посовещались и решили рискнуть:

— Работайте! Потом посмотрим... Готовьте номер.

Но они не стали готовить номер. Они принялись за учебу.

Уроки были неожиданными. Леонид и Юрий читали стихи, смотрели спектакли и фильмы, пытались разгадать средства выразительности актера в театре, на эстраде, в кино, на манеже.

От стихов, с их сжатой, до конца отточенной мыслью, рождались репризы. Поиски трюка шли через пантомиму. И незаметно все укладывалось в маленькие новеллы. Герои этих новелл были эксцентричны, как в цирке, но, подобно драматическим персонажам, имели характеры, биографии.

— Что же мы нашли, в конце концов? — спрашивал себя Енгибаров. — Не люблю всяческих ярлычков, но, условно говоря, мы нашли «лирического клоуна».

Этому во многом помогла пантомима. И еще одно понял в эти годы Леонид: «Каноны ведут к штампам, но традиции обогащают».

Есть такое понятие — «старая клоунада». А она не старая. Это «классическая клоунада», которая родилась на манежах России, перешла на Запад и там, причисленная по моде, потеряла самое главное — народность. «Старая клоунада» — свод законов цирковой драматургии, схема, которая должна обогащаться современностью. Оценив ее достоинства, Белов и Енгибаров пригласили «старую клоунаду» в свою творческую лабораторию.

И вот на манеже худощавый, крепко сбитый юноша. Сейчас он — акробат. Делает первоклассные стойки, расцвечивает их невиданными трюками.

Л. Енгибаров отказался от канонических трюков («взрывов» и прочих гротесковых «несчастий»). В маленькой репризе он рассказывает о высоком назначении своей профессии.

Тема любви к человеку — девиз творчества Леонида Енгибарова. Она пронизывает лучшие из его эстрадных пантомим: «Ее день рождения», «Тотальная мобилизация», «Человек-шлагбаум» и особенно — «Дебют тореадоров».

Творческий путь Енгибарова сложился счастливо. Он заслужил пра-

Леонид
ЕНГИБАРОВ.
Дружеский
шарж
А. Гамбург.

во выступать на столичном манеже через два года после окончания училища. Его гастроли в Польше и Чехословакии были триумфальными. И всюду, где бы ни выступал Енгибаров, возникали споры. Видевшие его на манеже считали, что Енгибаров в основном — отличный коверный. Зрители эстрадных театров были убеждены, что он — мим.

В Кракове произошла встреча с Марселем Марсо. Они поспорили, дружески, но принципиально. Марсо считал, что комедийная пантомима должна исполняться в быстром темпе, трагическая — в медленном. Это был его канон, а Енгибаров, как известно, уважая традиции, канонов не терпит. И он ответил Марсо:

— Пантомима нужна тогда, когда сюжет можно воплотить только в этом жанре. Вот я играю пантомимическую новеллу о дрессировщике, который выворачивает наизнанку «живого тигра». Если помните, еще барон Мюнхаузен нечто подобное проделал с волком. Мы читали и смеялись. Когда смотрят мою пантомиму, тоже смеются. А теперь представьте себе, что тигр — реальный и вся эта странная история происходит на экране или на сцене. Вряд ли это будет смешно, но, наверное, отвратительно!..

Марсо считает, что основа пантомимы — балет, красота движений. Енгибаров поспорил и с этим.

— Красиво то, что естественно, — говорил он. — Остановите на мгновение прекрасный прыжок Брумеля, и это, с точки зрения балета, будет далеко не прекрасное зрелище. Чем же красив этот прыжок? Есте-

ственной волевой целенаправленностью. Моя задача — не столько радовать глаз зрителя, сколько волновать его человеческие, гражданские чувства. Поэтому и в пирке, и на эстраде я — за боевую, целенаправленную, очень естественную в своей условности комедийность.

Французский мим отдал должное советскому артисту: он пригласил его в Париж, на гастроли в «театр Марселя Марсо».

Енгибаров с успехом выступил на манеже, на эстраде, дебютировал в фильме «Путь на арену». Но планы его шире.

Сегодня он занят сценарием большого циркового спектакля, который условно назван «Здравствуй, это — я!». Спектакль расскажет о благородной, смелой профессии «народного шута», циркового клоуна, вызовет к жизни страницы истории этого любимого с древних времен искусства. В спектакле будут широко сочетаться жанры циркового, эстрадного, драматического искусства.

— Клоунами становятся очень расчетливые люди, — шутит Енгибаров. — Это те, кто не хочет состариться. И я не устаю повторять рассказ выдающегося искусствоведа Жоржа Садуля, который пришел в цирк мальчишкой и увидел там молодого клоуна. Прошли годы. Садуль пришел в цирк зрелым мужчиной и привел сына. Клоун был все так же молод. И вот, наконец, седой человек, Жорж Садуль, повстречался в цирке со старым знакомым. — Клоун не состарился!

Искусство Енгибарова вдвойне молодо, потому что оно — неустанный поиск, бесконечный труд и творчество.

А. КРАВЦОВ.

ОБЕТОМ КЛУБОВ
МОСКВА
- 9 ЯНВ 1964